

ББК 88.53

С.В. Доронина

Эпистемические функции коммуникативных ходов в рамках речевой стратегии дискредитации

S.V. Doronina

Epistemic Functions of Communicative Moves within Discredit Speech Strategy

Рассмотрен ряд речевых ходов, направленных на выражение эпистемических модальных смыслов.

Ключевые слова: эпистемическое модальное значение, фактивное значение, значение мнения, речевой ход.

The subject of the report is to consider communicative moves aimed to represent epistemic modal sense.

Key words: epistemic modal sense, fact meaning, opinion meaning, communicative move.

Смысловая интерпретация текста должна производиться с учетом комбинаторного эффекта: обогащение содержания целого по сравнению с суммой значений составляющих его элементов происходит за счет их нового качества – значимости, возникающей по отношению к коммуникативному замыслу говорящего. Коммуникативные намерения субъекта попадают в фокус исследования при антропоцентрическом подходе, основным инструментарием которого являются иллокутивная функция высказывания, речевой ход, коммуникативная стратегия и тактика и пр.

Главным объектом исследований по делам об унижении чести, достоинства и деловой репутации является текст, созданный в соответствии с коммуникативной стратегией дискредитации [1–3 и др.]. В соответствии с данной целью говорящему важно создать в сознании адресата негативный образ персонажа. При этом автор далеко не всегда заботится об истинности сообщаемого, и потому использует не только информирование, но и иные приемы речевого воздействия. Их целью является создание в сознании слушающего некоторой картины объективной реальности, которую реципиент принимает не критически, несмотря на информативные лакуны или даже логическую противоречивость высказывания. Для снижения критического порога реципиента используются приемы повышения статуса автора, понижения статуса внешних участников коммуникации, эмоциональной подстройки к адресату, приемы, маскирующие информационные и логические лакуны в рассуждении, и пр.

Поскольку суть коммуникативного воздействия заключается в том, чтобы изменить образ мира реципиента путем внедрения новой информации или трансформации уже имеющейся [4], то способ, избираемый для данного изменения, может получить оценку в системе эпистемических категорий. Противопоставление речевых приемов в аспекте выражения эпистемического значения отчасти отражено во многих классификациях видов речевого воздействия: в делении

на информирование и убеждение [4], информирование и интерпретацию [5], «перестройку категориальной структуры» и «изменение отношения к объекту» [6] и др. Все они производны от традиционной риторической классификации речевых приемов, обнажающих «очевидность факта, чувства или разума» (Кондилярк, цит. по: [7, с. 18]). Аналогичную оппозицию находим в системе категорий коммуникативного синтаксиса, описывающих модальное значение персуазивности [8].

Для описания текстовых элементов по их отношению к целому используется термин «речевой (коммуникативный) ход», понимаемый как «прием, выступающий в качестве инструмента реализации той или иной... тактики» [1, с. 117], или «такая функциональная единица последовательности действий, которая способствует решению локальной или глобальной задачи под контролем стратегии» [9, с. 274]. Таким образом, коммуникативный ход обладает относительной смысловой целостностью, структурной выделенностью и единством иллокутивной функции, подчиненной глобальной коммуникативной задаче. Поэтому, несмотря на полипропозитивный характер информации, зачастую передаваемой при помощи отдельного речевого хода, его эпистемический статус определим лишь в целом по отношению к коммуникативному замыслу автора.

Коммуникативное намерение «информирование» достигается в высказывании, как правило, посредством создания развернутых описательных контекстов, использующих дескриптивную лексику и выражающих модальность достоверности. Оно также характеризуется эмоциональной нейтральностью, отсутствием речевых приемов, призванных скрыть информативные лакуны. Мнение, оценочное суждение и прочие виды субъективных высказываний соответственно выражают интерпретационную составляющую речевой деятельности говорящего субъекта.

Лучшим способом воздействия на читателя является точность описания события, которая достигается

за счет его конкретизации и детализации. Наличие в дескриптивном высказывании актантов времени, места, способа действия, точное указание участников события позволяет отнести контекст к фактивным высказываниям. Ср.: *«После его скандального увольнения за нарушение финансово-хозяйственной дисциплины была проведена налоговая проверка, которая длилась с 20.06.01 по 26.09.01. Она обнаружила весьма значительный объем серьезных нарушений, налоговых неуплат на сумму более двух миллионов рублей (Акт № 212/02 выездной налоговой проверки от 16.11.2001 г.)»*

В случае недостаточности конкретной информации говорящий прибегает к различным тактикам, маскирующим содержательную неполноту высказываний.

Прием информационного сдвига. В рамках известных классификаций данный прием может быть интерпретирован как разновидность «подмены доводов» [10] или как «фингирующее преобразование» информации [11]. При этом в текст, посвященный одному лицу, включается повествование о ком-либо другом, косвенно связанном с главным персонажем: *«Он отец X, который ничего не делает в фирме, а получает большие деньги»; «Он тесно знаком с У, на которого было заведено уголовное дело».* В соответствии с законом связности текста все, что утверждается, имеет значение для целого. На основании этого выводится импликатура: ‘X как-то причастен к описываемым событиям’. Однако вид данной причастности ни в прямой, ни в косвенной форме в тексте не выражается, поэтому слушающий волен строить множественные гипотезы относительно связи персонажа с негативными поступками X или У. Таким образом, негативные суждения, связанные со второстепенным персонажем, экстраполируются на главное действующее лицо, чем достигается цель его дискредитации.

Прием обобщения. Данный вид информирования о ситуации заключается в обозначении ее участников лексемами с широким значением, в результате чего событие оказывается недоопределенным. Ю.И. Левин называет этот прием «индефинитизирующим преобразованием».

«Зам. главы администрации X лоббирует интересы отдельных опекаемых им предпринимателей» (информ. лист). Данный контекст не сообщает никаких конкретных сведений, и тем не менее в нем создается негативный образ чиновника, обвиняемого в предвзятом (и, возможно, не бескорыстно) отношении к фирмам, оказывающим услуги государственной структуре. Контекст организован с помощью приема «чтение мыслей», так как в нем поступки X объясняются порочащими его намерениями:

– лоббировать – оказывать влияние на властные структуры, добиваясь (желая) выгоды для той или иной группы лиц;

– опекать – совершать поступки, имея цель принести пользу X, заботиться о нем.

Чаще всего тактика обобщения реализуется путем замены имен конкретных участников неопределенными дефинициями: *«Его обвинили (кто?) в связи с некими (какими именно?) чеченскими фирмами (газ.)»* Многочисленные средства реализации данной тактики носят демагогический характер, создавая негативный образ персонажа без указания на конкретные факты.

Вместе с тем если лексические компоненты контекста не содержат модальных сем, не выражают значений «внутреннее состояние персонажа» или «целустановка», то их можно интерпретировать как утверждения о фактах. Возможность лексических замен внутри гипо-гиперонимического ряда и, в частности, возможность использования родового слова для обозначения видового понятия позволяет считать референтом недоопределенного предложения любой факт, соответствующий структуре задаваемой ситуации. Так, может быть признано утверждением о факте высказывание: *«В алтайском арбитраже происходят странные вещи..., в результате чего страдают весь край, конкретные предприятия и реальные люди»,* – поскольку в нем утверждается, что в результате действий Арбитражного суда наносится ущерб как Алтайскому краю в целом, так и отдельным предприятиям и людям. В этом случае доказательством тезиса будет служить любая ситуация, соотносимая с исследуемым языковым выражением.

Прием авторизации. Известно, что средства авторизации способны выражать добавочные модусные смыслы [8]. В частности, указание на автора суждения может служить и средством выражения его достоверности. Ссылка на авторитет представляет собой «знание из вторых рук» [12]. Данный прием описан в классической риторике как весьма эффективный способ убеждения. Его воздействующий потенциал определяется тем, насколько авторитетным является источник информации, на который дается ссылка. Прием используется при изложении объективных данных и служит для повышения степени достоверности информации. В целом, чем более точно называются источник информации и обстоятельства, при которых она была получена, тем выше степень доверия слушающего к информации, заключенной в высказывании: *«В распоряжении редакции имеется диктофонная запись беседы Украинцевых с О., во время которой глава района обещает “продырявить” и “отправить по этапу” главу семьи, если тот поедет выяснять отношения в Сургут» (газ).* Выражение «обещает “продырявить” и “отправить по этапу” главу семьи» является утверждением о факте, достоверность которого маркирована посредством указания на его источник.

Вместе с тем субъективное эпистемическое значение может быть проявлено и в авторизованных

контекстах. В этом случае источник информации не называется, но вместо этого создается множественная референтная группа, указание на которую направлено на моделирование уверенного мнения читателя в истинности сообщаемого. Двойственная функция доводов к авторитету, позволяющая вводить не только достоверные, но и вероятностные суждения, отмечалась и в риторических практиках [10, с. 129]. В них, в частности, указывается, что введение ссылок на источники информации способствует повышению доверия к речевому сообщению. При этом обозначение социальной группы вместо указания на конкретных людей служит для создания видимости общего мнения целой группы сведущих лиц. Подобные выражения зачастую оцениваются как манипулятивные приемы, позволяющие говорящему создать иллюзию объективности изложения информации.

Описание механизма выражения эпистемического смысла следует производить с учетом того, что семы достоверности/недостоверности могут быть выражены как именами субъектов авторизации, так и непропозициональными предикатами. Например, в высказывании: «*Е.И. Петров объяснил нашему корреспонденту, что газ в поселок начнет поставляться лишь следующей осенью*» (газ.), – информативный статус высказывания определяется наличием семы фактивности у глагола «объяснить». В следующем высказывании сема фактивности выражена дважды: «*По свидетельствам очевидцев, по вполне понятным причинам просивших не называть их имен, подготовка*

и участие X в выборах была оплачена из бюджета “Крайэнерго”» (газ). Слова «свидетельство» и «очевидец» обозначают ситуацию непосредственного наблюдения за событием и, следовательно, полное знание о подробностях его протекания. «*Информация об этом получена из самых достоверных источников*» (газ). В данном высказывании средством выражения объективности информации выступает качественная характеристика ее источника. В том случае, если значение предиката не дифференцировано относительно эпистемической шкалы, то фактивный компонент значения может выражаться именем. Данное значение содержит такие лексемы, как «специалист», «компетентный источник», «эксперт».

В этом же ключе могут быть рассмотрены так называемые приемы генерализации. Если предикат высказывания содержит сему фактивности, то оно сообщает факт, если же лексемы с таким значением не содержится, то суждение не является утверждением о факте, даже если оно принадлежит большому кругу лиц: «*Весь город знает / Весь город судачит о том...*» – маркером факта является только первое высказывание.

Таким образом, применение элементов компонентного анализа к высказываниям с функцией авторизации позволяет прояснить коммуникативное намерение автора высказывания. На основании исследования значений двух лексем список недифференцированных с точки зрения фактивности манипулятивных высказываний может быть существенно сокращен.

Способы выражения эпистемических значений авторизационными контекстами

Фактивные высказывания	Нефактивные высказывания
По сообщению осведомленных лиц / по заявлению официальных источников...	В осведомленных кругах поговаривают...
Арбитражный суд установил...	Судя по разговорам в коридорах арбитража...
...как сообщил компетентный источник...	Специалисты связывают это событие с...
В пресс-центре президента пояснили...	В пресс-центре президента поговаривают / в кругах, близких к президенту, пояснили... / в кругах, близких к президенту, поговаривают...
Имеются сведения о том...	Ходят упорные слухи...

В случае, когда в рамках одного и того же контекста сталкиваются лексемы противоположных эпистемических модальностей, возникает эффект погашения фактивности. Так, высказывание «*по мнению специалистов*» маркирует субъективную эпистемическую модальность высказывания, несмотря на указание компетентности автора высказывания при помощи слова «специалист». Маркирование суждения компетентного лица как мнения не позволяет придать высказыванию статус утверждения о факте. Аналогично выражение «*по предварительным подсчетам Госкомстата*» также является маркером мнения, поскольку в предварительном подсчете не исключена неточность.

Пример: «*Новость о том, что X растратил большую часть профсоюзных сбережений, быстро облетела весь институт*» (газ.). Фактивность негативного высказывания предопределена словом «новость», содержащим в структуре своего значения компонент «истинность сообщаемого». Наличие этого компонента значения проявляется в ограничении лексической сочетаемости данного слова с лексемами, выражающими модальность неуверенности: **Новость о том, что X вероятно растратил большую часть профсоюзных сбережений*; **Новость о том, что С, наверное, вернется не скоро..*; **Новость о том, что Р явно вернулся...* Фактивность также актуализируется в парадигматическом противо-

ставлении слова его синонимам «слух», «сплетня», «молва», которые также могут быть распространены среди широкого круга лиц, но, в отличие от новости, не имеют статуса достоверного факта. Ср.: *«Народная молва говорит о том, что в собственности у г-на Г. также имеются две трехкомнатные квартиры в краевом центре. Причем одну из них он получил от крайадминистрации»*. Данный контекст также представляет собой случай распространения говорящим недостоверной информации в целях дискредитации объекта речи.

Прием построения демагогического суждения.

Достаточно часто в рамках критического контекста употребляются маркеры модальности неуверенности. В рамках критического контекста в логической модели «может быть это и не так, но...» они являются маркерами уверенного мнения: *«Раньше на этом месте располагался детский сад, но неожиданно сгорел. Не потому ли, что глаз на эту землю положил весьма влиятельный в крае человек. Кстати, строительством теремочка (коттеджа для персонажа статьи. – С.Д.) руководил не кто иной, как господин Кулинич, известный в городе архитектор, руководивший строительством мостового перехода через реку Обь. Не исключено, что речь идет о простом совпадении, но после того, как коттедж был сдан под ключ, в числе новых судей арбитражного суда были замечены двое детей строителя»* (газ.). Данный прием представляет собой частный случай построения демагогического суждения, которое представляет собой манипулятивный прием возражения под видом согласия: фактивные высказывания, следующие за противительным союзом, уничтожают значение неуверенной модальности. В соответствии с коммуникативным постулатом релевантности высказывание «может быть и X, но Y» означает ‘уверен, что не X’. Именно это значение придает всему негативно оценочному высказыванию иронический оттенок.

Прием утверждения под видом вопроса. Особенностью риторического вопроса является то, что предложения, по форме являющиеся вопросительными, по смыслу являются утвердительными. При этом тип передаваемого эпистемического значения зависит от содержания высказывания и дополнительных контекстных условий.

Так, например, выражения: *«Ответьте на два вопроса: Смысл Вашей жизни – во благо города, горожан, ваших подписчиков? Смысл Вашей жизни – Ваш доход за счет города, горожан, ваших подписчиков?»* – представляют собой риторический вопрос, о чем свидетельствуют следующие текстовые признаки:

1) предлагаемый персонажу выбор между двумя нравственными принципами «жизнь во имя других» и «жизнь во имя собственного кармана» является манипулятивным приемом «мнимая альтернатива» [13]. Противоположные моральные установки тре-

буют однозначного выбора положительного образца поведения;

2) в предыдущем контексте персонаж характеризуется как человек, заботящийся исключительно о собственном благополучии.

В рамках целого текста исследуемое выражение приобретает следующее значение ‘X нарушает моральную норму «жизнь во благо других людей»’. Предложение представляет собой суждение этического характера, в основе которого лежит нормативная оценка поведения [14]. Таким образом, исследуемое предложение является оценочным суждением.

В другом случае каскад риторических вопросов имеет дескриптивное содержание, и его эпистемический статус зависит от контекстуальных признаков.

1) *«Не Вы ли, будучи руководителем НЭП банка, оставили вкладчиков без денег в свое время?»;*

2) *«Не Вы ли “прихватизировали” детский садик на ул. Обской?»;*

3) *«Не Вы ли имеете ряд предприятий, в том числе ломбард, в котором за гроши берете золото у тех, кто в нужде?».*

Составная частица «не ... ли» имеет несколько значений: 1) вопрос с определенной долей неуверенности; 2) утверждение о факте с оттенком недоумения. Второе значение реализуется в тех контекстах, где коммуникативная функция вопроса противоречит содержанию предложения, поскольку детальное описание ситуации исключает незнание говорящего о том, кто является субъектом действия. Поясним данный тезис на примерах:

(1) *Не Вы ли написали это письмо?*

(2) *Не Вы ли написали нам о том, что он приезжает на следующей неделе?!*

В первом примере имеет место простой вопрос. Во втором – степень информированности говорящего о событии настолько высока, что предложение по своему коммуникативному замыслу не может являться вопросом: если говорящий читал письмо, то он, безусловно, знает, кто его автор. Поэтому предложение является сообщением о событии и выражением эмоционального отношения к этому событию.

Приведем значимый для толкования анализируемых высказываний предшествующий абзац: *«А вот с 90-х годов, полностью с ним согласен, ситуация радикально изменилась. Именно такие “перестройчики”, как К., затеяли “демократизацию”, которой мы все свидетели. Что же случилось в итоге? Простые граждане, работяги, гнущие спину у заводского станка или на железной дороге, обеднели, а такие, как К., стали владельцами банков, ломбардов, газет»*. Данный отрывок выражает общий тезис автора статьи: ‘Во времена перестройки люди, подобные К., нажили капиталы за счет простых граждан’. Следующий абзац по смыслу является развертыванием тезиса на

конкретных примерах. В нем излагается информация об определенных поступках лица.

Кроме того, предложение, подытоживающее ряд риторических вопросов («*Эти вопросы вам, господин К., можно задавать и задавать, но толку-то, духу ответить не хватит!*»), свидетельствует о том, что автор текста заранее знает ответ на перечисленные вопросы и имеет целью не запрос информации, а обвинение персонажа в определенных действиях.

Из всего сказанного следует, что анализируемые предложения имеют следующий смысл: «Именно Вы, будучи руководителем НЭП банка, оставили вкладчиков без денег в свое время. Именно Вы “прихватизировали” детский садик на ул. Обской. Именно Вы имеете ряд предприятий, в том числе ломбард, в котором за гроши берете золото у тех, кто в нужде», – и представляют собой утверждения о фактах.

В описанном случае риторические вопросы приобрели фактивную модальность в результате употребления в более широком контексте, исключающем субъективный эпистемический смысл. В случае отсутствия в тексте специальных маркеров знания автора об объекте речи однозначная модальная квалификация риторического вопроса как утверждения о факте была бы невозможна.

В следующем контексте аналогичный вопрос выражает модальность предположения, граничащего с уверенностью. «*Если как-то можно найти*

место, чтобы видеть одновременно урну, комиссию и кабинки, то во время скопления народа заметить что-нибудь уже просто невозможно. Не потому ли автобус пришел всего два раза? Вполне достаточно, чтобы в двух волнах наплыва избирателей обеспечить “тайное голосование заинтересованных лиц”» (газ.). Данный вид эпистемической модальности поддерживается более широким контекстом, в котором все обвинения против персонажей выдвигаются в предположительной форме: «*За то время, в которое все происходило, любой из членов комиссии, или кто-то другой (о ком мы и не догадывались) мог спокойно подойти незамеченным к урне и положить туда любое количество бюллетеней. ... А может быть, отсутствуя в помещении для голосования, наблюдатель от Сурикова пыталась создать себе “алиби”*»? Таким образом, риторический вопрос совместим с разными эпистемическими оттенками за счет воздействующего потенциала своей внутренней формы. Вопрос способен обслуживать различные иллокутивные функции: запрос информации, выражение неуверенного и уверенного мнения, сообщение о факте. Применение стратегического подхода к описанию функционирования языковых знаков в рамках дискурса позволяет дать им более точную интерпретацию, поскольку в тексте отсутствие знака или предпочтение его другому знаку оказывается информативным.

Библиографический список

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М., 2006.
2. Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения. – Екатеринбург, 2002.
3. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М., 2007.
4. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. – М., 2003.
5. Паршина О.Н. Российская политическая речь. Теория и практика. – М., 2007.
6. Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации (от речей президентов до переговоров с террористами). – М., 1998.
7. Демьянков В.З. Эффективность аргументации как речевого воздействия // Проблемы эффективности речевой коммуникации. – М., 1989.
8. Всеволодова М.В., Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. – М., 2000.
9. Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.
10. Поварнин С. Спор. О теории и практике спора. – СПб., 1996.
11. Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М., 1998.
12. Остин Дж. Чужое сознание // Философия. Логика. Язык. – М., 1987.
13. Быкова О.Н. Языковое манипулирование общественным сознанием. – Красноярск, 1999.
14. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М., 1985.